

25.07.18

МАКСИМ СУЧКОВ: ЭФФЕКТ ОТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» АМЕРИКИ НИВЕЛИРУЕТСЯ ПОЛИТИКОЙ «ЖЕСТКОЙ СИЛЫ» США

25 июля старший эксперт агентства «Евразийские стратегии» Максим Сучков дал интервью Центру поддержки и развития общественных инициатив «Креативная дипломатия». В ходе беседы обсуждались особенности непрямого влияния и «мягкой силы» США на Ближнем Востоке.

"Креативная дипломатия" ("КД"): *Подходы США в контексте "мягкой силы" и публичной дипломатии несколько отличаются в соответствии с регионами. Какой подход США используют на Ближнем Востоке? Как работают с аудиторией?*

Собственно, инструментарий "мягкой силы" США на Ближнем Востоке мало чем отличается от того, что американцы делают в других регионах: программы образовательных и культурных обменов, поддержка гражданского сектора, отдельных медиа, популяризация английского языка и продукции массовой американской культуры. Другое дело, что сам Ближний Восток сложно назвать монолитным образованием, особенно, когда речь идет об отношении к Западу, к США. Поэтому и американские подходы к работе в регионе варьируются в зависимости от страны и субрегиона.

Вместе с этим, на протяжении многих десятилетий **концептуальной особенностью, которую американцам приходится учитывать при работе в регионе, является «диалектика страны и государства»: неприятие политики американского государства сочетается с открытостью к принятию американского образования, прочего культурного и коммерческого продукта.** С аналогичной «диалектикой» американцы сталкиваются и в других регионах мира. Разумеется, на практике в этой формуле

много полутонов, и на Ближнем Востоке имеет место бытовой антиамериканизм. Как правило, он обостряется в период военных интервенций или обострений арабо-израильских отношений. Отторжение политики государства проецируется на ассоциируемые с ним культурные образы, и тогда мы видим, как недовольные политикой США бьют стекла в Макдональдсах, сжигают звездно-полосатые флаги или бойкотируют американскую кинопродукцию.

Эта же диалектика находит отражение в том, что эффект от «мягкой силы» Америки нивелируется политикой «жесткой силы» США.

После трагедии 11 сентября 2001 года многие американские публицисты и академические сотрудники задавались вопросом: «Почему нас ненавидят?». В качестве причин назывались «добровольное принуждение», «назойливое миссионерство» и «упорное навязывание собственных идеалов». Прошло семнадцать лет, понадобилось несколько неудачных для Америки и губительных для региона военных интервенций, чтобы просто удостовериться, что такие подходы вызывают отторжение и порождают противодействие. При этом никто не гарантирует, что этот опыт положил конец стремлению к политическим экспериментам.

Американцы вкладывают миллиарды в программы публичной дипломатии и образовательных обменов, в развитие гражданского общества и СМИ, но подобными действиями перечеркивают свои усилия по «завоеванию симпатий» народов региона.

"КД": *В чем, собственно, состоят задачи публичной дипломатии США на Ближнем Востоке?*

Задача заключается в формировании в иностранной среде привлекательного образа США как открытого, свободного, демократического общества равных возможностей. США стремятся убедить целевые группы, что не являются врагом, способствуют укреплению мира и безопасности в регионе. Наконец, важно создать если не целую генерацию, то толстую прослойку симпатизирующих США интеллектуалов из разных сфер и профессий, которые в последующем имеют шанс стать лидерами общественного мнения. При этом не обязательно, чтобы они были непременно «проамериканскими». Достаточно, если они будут иметь эмпатию к США, что могло бы обеспечить «меньшую сопротивляемость [социального] материала». Разумеется, прямой зависимости «эмпатии» и «несопротивления» нет, на практике все бывает гораздо тоньше и сложнее. Но так устроена сама технология, а уже от конкретного человека зависит, сработает она в его случае или нет.

Учитывая демографические и социально-культурные особенности региона, США акцентируют внимание на работе с молодежью. К тому же, многочисленные программы обменов косвенно способствуют негласной селекции наиболее талантливых и перспективных граждан, их последующему развитию в том русле, о котором я сказал.

При этом нужно сделать важную поправку - все эти тенденции были справедливы два года назад. **Сегодня США пересматривают значимость ближневосточного региона в системе своих внешнеполитических приоритетов, в каком-то смысле переосмысливают себя и свою роль в мире. Многие программы «мягкой силы», которые работали десятилетиями, сегодня свернуты.** Традиционные инструменты

«мягкой силы» США все больше «вепонируются» (от англ. weaponize): Конгресс, в частности, на днях **потребовал** от финансируемого правительством США «Голоса Америки» более агрессивно и критично освещать политику Ирана.

Поэтому сейчас мы находимся посередине - кто-то скажет в начале - новой эры публичной дипломатии США, в том числе и на Ближнем Востоке. Результаты того, что американцы делают, или не делают сейчас, как и водится в области публичной дипломатии, станут видны лишь спустя несколько лет.

"КД": *А насколько успешны США в регионе? Получается ли достигнуть поставленных задач?*

Важно определиться, что считать критерием успеха в этой сфере.

Избрание Обамы в 2008 году открыло для США колоссальные возможности по завоеванию Ближнего Востока, особенно его молодежи, невоенными методами. Его образ «антитезы Буша», знаменитая каирская речь, помимо прочего, давали надежду на изменение характера американской политики в регионе. События «арабской весны», военная кампания в Ливии и операции США в Сирии и Ираке обрушили эти надежды. Одни посчитали, что Обама так и не смог противостоять американской традиции силовой смены «плохих парней» - не помогла в этом отношении и уловка «лидерства из-за спины» в Ливии. Америку все равно считали равно причастной к свержению Каддафи вместе с Францией и Великобританией. Другие, напротив, разочаровались, как им казалось, недостаточной решительностью Обамы в деле поддержания повстанцев.

Так или иначе, позиции США в регионе пошатнулись с точки зрения доверия к Америке и восприятия ее «надежности». Разочарование усилилось в его второй президентский срок, когда недовольными политикой Обамы, в том числе его подходом к Ирану, стали уже традиционные союзники США в регионе - Израиль и арабские монархии Персидского залива.

Трампу удалось в какой-то мере исправить эту тенденцию: «поход на Иран» приободрил израильтян и саудитов. В Израиле американский президент пользуется огромной популярностью, да и «заливники» нашли к нему свой «бизнес-подход». Однако, картинка «Америки Трампа», которая создается изо дня в день, поведение и решения самого президента - его анти-мусульманские запреты, в целом приклеившийся образ врага мусульман и друга Израиля - во многом подрывают те элементы восприятия, которые были у населения региона в отношении США на протяжении десятилетий.

Вкупе с политическими «шатаниями» Соединенных Штатов в регионе в последние годы этот «коктейль» здорово раскачал тот самый бытовой антиамериканизм. При этом - и это огромная заслуга многих десятилетий кропотливой работы американцев на ниве «мягкого влияния» - от США не отвернулись совсем. **Для многих в регионе США - по-прежнему желаемый партнер. От Америки просто ждут большего, даже если не очень внятно формулируют, что именно это «большее» означает, а Америка не уверена, что хочет это «большее» предоставить.**

"КД": *Можно ли считать «арабскую весну» последствием применения инструментов, программ «мягкой силы» Запада, США?*

Это очень хороший вопрос. Полагаю, что без той всеобъемлющей работы, которую и правительство США, и многочисленные окологосударственные и негосударственные фонды и организации проделывали в регионе на протяжении многих лет, «арабская весна» вряд ли бы состоялась в том виде, в котором она состоялась. При этом я убежден, что причины этих исторических событий кроются в глубоких проблемах самого региона - именно они создали пожароопасную среду и зажгли первую искру.

Я говорил уже о факторе избрания Обамы и его каирской речи. Так вот, многие коллеги на Западе **считают**, что она в немалой степени стала последним толчком к зреющему социальному протесту, заставила многих поверить, что стоит только снести коррумпированные многолетние элиты, и “change” - перемены, о которых говорил Обама, - станут реальностью. Для многих этот порыв действительно был искренним. Однако дальнейшее развитие событий стало, по большому счету, неподконтрольным этим людям.

Во-первых, на авансцену протеста, с одной стороны, вышли «профессиональные революционеры», подготовленные по лучшим практикам американских социальных и политических технологов, с другой - исламисты, которые тоже не теряли время все эти годы, находясь «в подполье». Во-вторых, западные и скроенные по западным технологиям региональные СМИ, сыграли большую роль в «направлении потока восприятия» этих событий в остальном мире. В-третьих, социальные медиа (Ближний Восток - один из самых динамично развивающихся рынков в этой сфере) породили совершенно уникальные для того времени феномены управления нарративами, распространения графической картинки «протеста-жертвы-тирана». Сегодня много говорят о «фейковых новостях», тогда такой поток выливался (разумеется, вперемешку с реальными историями) на непривыкших к такой среде людей, создавая мощный по эмоциональному заряду протестный драйв. Конечно, это лишь один аспект тех «последствий применения мягкой силы», о которых Вы спрашиваете. Были и другие.

В частности, тот факт, что на начальном этапе «арабской весны» этот феномен получил широкую поддержку выходцев из региона, работающих в интеллектуальных кругах США (академия, экспертные институты) – тоже своего рода эффект “мягкой силы”. В свое время большинство из них, во многом движимые «мягким обаянием» Америки, приехали в страну либо студентами обменных программ, либо в начале своей карьеры. Эти люди влияли на принимающие решения круги: выступали в Конгрессе, проводили брифинги для сотрудников администрации, внешнеполитических ведомств, убеждали оказывать поддержку «арабскому пробуждению». Поэтому применительно к «арабской весне» это была в каком-то смысле дорога с двусторонним движением.

"КД": *Как участие России в сирийском конфликте повлияло на повестку «мягкой силы» США?*

Как я уже отмечал, деградации доверия региональных элит к администрации Барака Обамы, снижение уверенности в способности США обеспечить их защиту формировало восприятие, при котором Америка, по-прежнему оставаясь самым

влиятельным внешним игроком, в глазах многих правительств региона уже не представлялась всесильной. «Приход» России в Сирию и, шире, на Ближний Восток способствовал дальнейшему развитию этой тенденции, хоть и не был ее первопричиной.

Я не склонен считать, что Россия заменила собой США, хотя успех российской кампании в Сирии действительно способствует подобному восприятию в самом регионе. **Да, сегодня Москва действует в регионе более эффективно и эффектно - создает образ более искусного игрока. Но не стоит впадать в излишнюю эйфорию.** Многие региональные правительства стремятся разыгрывать свои собственные партии на этом «противопоставлении», нередко Россия для них – средство торга с США в этих партиях.

Российское участие в сирийском конфликте выступает ярким фоном, на котором сегодня осмысливается американская повестка «мягкой силы» в регионе. Критическое обсуждение возрастающей роли России на Ближнем Востоке по сравнению с «увяданием» влияния американского - это рефлексия Америки по поводу кризиса её собственной модели и образа последних лет, имплицитный призыв к элитам предпринять нужные шаги к ее обновлению.

"КД": Есть утверждение, что гражданская сила Европы (сплав дипломатии, экономики и ценностей) заканчивается в нецивилизованном мире. То есть, для сотрудников НКО, миротворцев, правозащитников в нестабильных регионах, как, например, Ирак и Афганистан, возникают серьезные проблемы в работе и экстраполяции «европейских ценностей». Можно ли утверждать об американской «мягкой силе», что она также заканчивается в нецивилизованном мире?

Рискну предположить, что США уже в полной мере осознали невозможность «силовой демократизации» Ближнего Востока в том виде, как это было задумано изначально. Дело даже не в риторике и поступках Трампа. Даже советники Обамы в Совете Национальной Безопасности (СНБ) на ближневосточном направлении вскоре после «арабской весны» признавали, что вести регион к «демократическим ценностям» тем путем, которым они его пытались вести, не только бесперспективно, но и производит еще большее отторжение от американской политики, ограничивает возможность лояльных Америке политических и гражданских сил выйти на передовую. Это не означает, что спустя какое-то время США не могут вернуться к этой идее, но и потом, как и прежде, это будет политическая ошибка.

Сама идея «цивилизованного» и «нецивилизованного мира», как ее понимали прежде, возможно не изжила себя в сознании «цивилизованных», поскольку «нецивилизованные» действительно пока еще по многим параметрам отстают. Но **глобализация и открытое информационное пространство в последние десятилетия позволили многим из «отстающих» подтянуться ментально. Теперь «цивилизованным» европейцам и американцам обменять «алмазы туземцев на бусы» не так просто. Нужны иные методы работы, чтобы сохранить свое влияние, выезжать на багаже прошлых лет уже нельзя.**

"КД": Кто основной конкурент Запада на Ближнем Востоке? Насколько там заметны Китай, Иран?

Китай действительно в последние годы расширяет свое «мягкое присутствие» на Ближнем Востоке. Характер его работы и используемый инструментарий мало чем отличаются от того, **что он делает в других регионах**. Правда, по моим наблюдениям, для китайской «мягкой силы» население региона в большей мере «открывается» не ввиду ее привлекательности как таковой (которая у нее, естественно, имеется), а из соображений экономической выгоды или банальной необходимости. Принятие предлагаемых Китаем возможностей, в частности, в сфере образования дает многим людям шанс на будущее - как в свое время давала Америка.

У **Турции** традиционно отлаженная и хорошо развитая система институтов «мягкой силы» в регионе с упором на образование, квазигуманитарные и религиозные инициативы. С началом «арабской весны» многие в Вашингтоне лоббировали старую идею становления Турции в качестве образца «светского исламского государства» для Ближнего Востока и через это – проводника американских интересов. Ранее, после распада СССР, аналогичная роль отводилась американскими атлантистами Анкаре в качестве вожатого для тюркоязычных народов постсоветского пространства. Но в США, на мой взгляд, недооценили значение внутренних трансформаций в самой Турции, и стремления турецких элит к доминированию на бывших османских землях. Поэтому в этом аспекте сегодня Турция – успешный конкурент Америки в регионе.

Иран действительно является сильным игроком на этом поле. Сторонники Аятоллы Хаменеи полагают, что истиной причиной желаний США свергнуть правящий режим в Тегеране является не желание Исламской республики обзавестись ядерным оружием или его «токсичное влияние» в регионе, а успешность имплементируемой там «модели исламского правления» - даже несмотря на все управленческие и административные уязвимости Ирана.

Некоторые уже арабские интеллектуалы указывают на то, что для снижения привлекательности модели исламского правления в их странах США параллельно поддерживают - прямо или косвенно - две тенденции. С одной стороны, тенденцию «агрессивного секуляризма», с другой - радикальных исламских течений. Конечно, в обоих случаях нужно сделать поправку на то, что Ближний Восток богат на теории заговоров. Но борьба за умы и сердца населения предполагает состязание моделей развития в привлекательности, и с этой точки зрения такое противоборство выглядит логично. Самое главное - у Ирана есть четкое видение региона, своего [лидирующего] места в нем и тех задач, которые ему необходимо решить, чтобы это место занять. В отрыве от этих параметров, разговоры о реализации «мягкой силы» - не более чем занятное интеллектуальное упражнение.

"КД": *Можно ли говорить о расколе в политическом истеблишменте США по вопросу продвижения своего привлекательного образа на Ближнем Востоке?*

В политическом истеблишменте США существуют большие **разночтения** по вопросу необходимости и масштабов американского присутствия в регионе, тому месту, которое регион должен занимать в системе приоритетов Америки. В этом смысле противоречия и дискуссии о продвижении привлекательного образа США на Ближнем Востоке - это дискуссии об инструментах, и они вторичны. Сейчас Америке важнее этот образ сохранить, чтобы потом было, что продвигать.

Впервые опубликовано на picreadi.ru

Источник: Максим Сучков: эффект от «мягкой силы» Америки нивелируется политикой «жесткой силы» США

ОБ АВТОРЕ

Максим Сучков

Старший эксперт

Местоположение: Москва, Россия

Сфера компетенций: Ближний Восток, США

Область экспертизы: Специалист по внешней политике США на Ближнем Востоке и Южном Кавказе. Исследователь проблематики лоббизма в международных отношениях.

Профессиональный опыт: Старший научный сотрудник Лаборатории анализа международных процессов МГИМО МИД России. Редактор издания «Al-Monitor». Эксперт Российского совета по международным делам. Был приглашенным исследователем в Нью-Йоркском и Джорджтаунском университете.

